

В этом году исполнилось 157 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (17 января 1860 г.). Дата не юбилейная. Но он относится к той плеяде русских писателей, которые поминаются отнюдь не только в дни юбилеев. Думаю, что в сознании российского медицинского сословия это имя присутствует постоянно. Доктор Дымов, Ионыч стали именами нарицательными, когда хотят сказать о самоотверженном враче или враче-стяжателе. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти слова в уста своего литературного героя вложил не только писатель, но врач. Этим они особенно знаменательны.

Антон Павлович хорошо знал своих коллег — российских врачей. Со многими трудился бок о бок, особенно в мелиховский период — земские врачи П. Куркин, И. Витте. Среди его друзей — не только художники и артисты. Он сам был объектом внимания врачей — пациентом. Известна его дружба с однокашником и впоследствии известным невропатологом Г. Россолимо. Поэтому в образах врачей в произведениях Чехова нашло отражение не только тогдашнее время, мысли и страсти, владевшие его персонажами-коллегами в XIX веке, но, на мой взгляд, и нечто существенное, специфическое, остающееся во все времена отличительной чертой врачебной профессии.

Последнее представляет интерес и в настоящее время.

ТОПОРКОВ («ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ»)

Рассказ написан в 1882 г. Чехов — еще студент 4-го курса, ему всего 22 года. Знакомство с представителями врачебного сословия еще поверхностное. Доктор Топорков нарисован однопланово, отрицательно, истуканом. «Шея белая, как у женщины... Лицо красивое, но слишком сухое и слишком серьезное, для того, чтобы быть приятным... Оно сухое, серьезное и неподвижное, ничего не выражало». Ходит «по-генеральски». «Важный господин», — говорит о нем Никифор, его дядя и слуга в доме князей Приклонских. «Лед! Дерево! Смеяться не умеет, деревяшка этакая!», — восклицает княгиня, когда Топорков, напившись чаю, уходит, никак не прореагировав на игру для него Маши на фортепиано. С таким же лицом, не выражающим ни сочувствия, ни внимания, ни сострадания, он пользуется своих пациентов. Он «даже пальца не протянул, чтобы помочь дамам», которые по его приказу перетаскивают кровать с бездыханным телом Егорушки в

другую комнату. «Этакая скотина!», — не удерживается сам автор, описав картину перемещения больного. Трудно найти в последующих произведениях Чехова столь однозначно отрицательно представленного героя.

Да и литературный стиль выдает молодого литератора. «Лучше самая отчаянная скука, чем та непроходимая печаль, которая светилась в это утро на лице Маруси. Шлепая по жидкой грязи, моя героиня плелась к доктору Топоркову. Зачем она шла к нему?» Зрелый Чехов так «мелодраматично» уже не пишет.

Затем происходит перелом в жизни и самом образе Топоркова. К нему приходит любовь. Так хочет автор, молодой Чехов, подписавший этот рассказ самым ранним своим псевдонимом «А.Чехонте». Потом его герои не будут делать таких неожиданных кульбитов: из сухого, скучно-серьезного человека, «деревяшки», Топорков неожиданно превращается в нежно любящего человека. Прозревает, посмотрев на «десяти- и пятирублевки, которые валялись на его столе», и вдруг сделавшиеся ему отвратительными. «Он подался вперед и поднял Марусю с грязи, на которой она лежала, поднял высоко, с руками и ногами... — Не лежи здесь! — сказал он и отвернулся от дивана. И, как в благодарность за это, целый водопад чудных льняных волос полился на его грудь...». Так Чехов тоже не будет потом писать.

Молодой Чехов обрывает рассказ сразу, после неожиданного обращения доктора Топоркова «в другую веру». О его с Марусей пребывании в Южной Франции (какое неопределенное географическое понятие — Чехов еще не бывал ни в Ницце, ни в Италии) написано полстраницы. Видимо, автор не представлял себе, как «сухарь» Топорков поведет себя в роли влюбленного и дает Марусе всего три дня жизни за границей (в одноименном фильме о днях, проведенных героями повествования в «Южной Франции» рассказано более подробно, но это — не Чехов).

Мне кажется, что именно молодость автора, его неприятие врачебного стяжательства, которое ему, наверное, привелось рано увидеть, послужило тому, что первый крупный образ врача в его ранних произведениях показан однозначно отрицательным. Вспыхнувшая же любовь в сердце врача-корыстолюбца, хоть и мало психологически оправдана, говорит о том, что в ту пору юный Чехов верил в возможность мгновенного изменения человека к лучшему.

ДЫМОВ («ПОПРЫГУНЬЯ»)

Ровно через десять лет (в 1892) в рассказах писателя появляется следующий, крупно выписанный герой, — врач Осип Степанович Дымов (повесть «Дуэль», в которой фигурирует Александр Давыдович Самойленко, написана годом раньше. Но в ней «доктор Самойленко»

— не только второстепенный герой, но и выступает в качестве частного лица, друга Лаевского и фон Корена, и никак — в роли врача).

В отличие от Топоркова, Осип Степанович — стопроцентно положительный врач. Таким его видит и сам автор. В ЦГАЛИ хранится чистовая рукопись рассказа, с заглавием «Великий человек». Этот заголовок не нравится Чехову. В письме Владимиру Алексеевичу Тихонову, редактору журнала «Север», где рассказ увидел свет, он пишет: «Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа! «Великий человек» мне совсем не нравится... Назовите так — «Попрыгунья» ... Не забудьте переменить». Чехов боится, что рассказ останется с прежним, «оценочным», названием.

Как человек доктор Дымов мягковат, как сказали бы, — «подкаблучник», но и в этом качестве вызывает к себе только симпатию. Образ выписан достоверно, с сильными и слабыми сторонами характера. Беспрекословно, уставший, в конце рабочего дня приехавший на дачу к жене, по ее просьбе-приказу, разворачивается и едет в город за «розовым платьем» жены, успел только откушать чаю, взять баранку на дорогу и, «кротко улыбаясь, пошел на станцию». Почувствовав, что заболел тяжелой заразной болезнью, говорит жене, «не отворяя двери» кабинета: «Мама (так он звал жену. — Р.А.), ты не входи ко мне... Я заразился... мне нехорошо». Живой полнокровный образ.

Ко времени написания «Попрыгуньи» Чехов — уже врач со стажем и человек с большим жизненным опытом — позади Сахалин. У него обширный круг знакомств и дружеств: журналист Владимир Гиляровский, художник Исаак Левитан, писатели Игнатий Потапенко, Михаил Ремизов, редакторы литературных журналов; уже в жизнь Антона Павловича вошла Лика Мизинова, его окружает хоровод окололитературных и «околохудожнических» дам. Писать образы знакомых Ольги Ивановны, жены Осипа Степановича, было с кого.

Доктор Дымов — врач с большой буквы. Таким его замыслил Чехов и таким его написал. Тоже, как и Топорков, «из простых», тоже труженик — «служил в двух больницах. Ежедневно с девяти часов до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате, а после полудня ехал на конке в другую больницу... Частная практика была ничтожна...». Но трудился не для наживы, как Топорков, «десяти- и пятирублевки» не собирал. «А какая нравственная сила, — говорит о нем его друг и тоже врач Коростелев. — Добрая, чистая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал как вол, день и ночь ... и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами...». Это тем более кажется обидным Коростелеву, что заработанное Дымовым ушло на то, «чтобы платить вот за эти ... подлые тряпки!»

Видел ли таких врачей, как Дымов, Антон Павлович или, может быть, хотел видеть, но созданный им образ для многих поколений рос-

сийских врачей, несомненно, был образцом для подражания, или помогал им служить своему делу, «не требуя наград, не требуя венца».

ОРДИНАТОР КОРОЛЕВ («СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ»)

В этом рассказе врач показан в действии. Профессиональном действии.

Профессор вместо себя посылает на вызов в подмосковный фабричный поселок своего ординатора Королева. Больная — молодая девушка, «большая, хорошего роста, но некрасивая ... с маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней частью лица...».

«А мы к вам, пришли вас лечить...»,— говорит ординатор. (И сто с лишним лет спустя врачи используют эту формулу обращения к больным — «Мы вас подлечим». «Что у нас болит?». «Мы сегодня молодцом»).

Молодой врач быстро разбирается с причиной недомогания своей пациентки. «Замуж ей пора...»,— подумал он. Живет в фабричном поселке, богатая невеста — наследница фабрики, а жизнь скучная, неинтересная и без всяких перспектив на замужество по любви.

Королев не видит повода для лечения и собирается уезжать. Его просят остаться, боятся, что у больной повторится приступ. «Он (Королев — Р.А.) хотел сказать, что у него в Москве много работы, что дома его ждет семья, ему было тяжело провести в чужом доме без надобности весь вечер и всю ночь...» И остается. Он «уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица, он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простыми ласковыми словами».

Оставшись, он навещает ее снова и понимает, что ей надо выговориться.

«Говорите, прошу вас»,— просит Королев больную. И в ее сбивчивом рассказе находит подтверждение своему предположению о том, что его больная одинока, что нет с ней рядом близкого человека; несчастна оттого, что богата и не знает, как распорядиться своим богатством. Он уверен, что надо бросить богатство, раз оно приносит несчастье. Он говорит это «окольным путем», так как понимает, что сказать это прямо будет неловко, и обещает своей больной, что «хорошая будет жизнь лет через пятьдесят...».

Для нас ординатор Королев замечателен не тем, что, как все чеховские герои, мечтает о светлом будущем. Он хороший профессионал. Плохой врач прописал бы что-нибудь вроде «кали-бромати» и «ландышевые капли», как это сделал фабричный доктор, взял бы гононар и укатил в Москву. Королев понимает, что иногда можно и нужно

помочь не лекарством, а словом и вниманием, проявленным не формально, а сочувственно и сострадательно. Ему это удастся. Когда он утром уезжает, то Лиза,— так зовут его больную,— уже не «непричесанная ... несчастное, убогое существо», какой была при его приезде, а одета «по-праздничному в белом платье, с цветком в волосах... смотрела умно и улыбалась...».

А ординатор Королев тоже переменялся. Уже нет гнетущего впечатления от мрачного фабричного поселка, по которому он прогулялся накануне вечером, молодой врач «думал о том, как это приятно в такое утро, весной, ехать на тройке, в хорошей коляске и греться на солнышке».

Рассказ написан в 1898 году. Чехов уже многое понял в своей профессии врача, поработал в земстве и, видимо, наблюдал умных талантливых русских врачей. Впрочем, и сам был таковым.

ИОНЫЧ («ИОНЫЧ»)

В том же, 1898 году, появляется рассказ «Ионыч».

Бедный Дмитрий Ионыч Старцев. Как ему не повезло — навсегда в сознании читающей публики остаться стяжателем, врачом, который после трудового дня, «по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием бумажки (деньги — Р.А.)». Вот он «пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками» и «кажется, что едет не человек, а языческий бог»; «... оттого, что горло у него заплыло жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжелым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой об пол и кричит своим неприятным голосом: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!»

Именно такого человека мы видим мысленным взглядом, когда слышим имя «Ионыч» и, видя корыстолюбивого и жадного до денег врача, этим именем его «награждаем».

Кажется, ни одного из своих героев Чехов не рисует столь однозначно отрицательным. Не жалеет черных красок.

Но Дмитрий Ионыч Старцев был таким не всегда. Вот он получил назначение земским врачом в Дележ, что в девяти верстах от города С., где живет семья Туркиных. Ему, как интеллигентному человеку, советуют познакомиться с ними, потому что они почитались за людей просвещенных и интеллигентных: глава семьи выражается весьма изысканно и старается смешить гостей каламбурами; жена пишет романы и читает их вслух, а дочь играет на фортепьянах. Он принят и обласкан, и приглашен бывать.

Ответить на приглашение доктор не может «больше года». «Старцев все собирался к Туркиным, но в больнице было очень много

работы, и он никак не мог выбрать свободного часа», — пишет Чехов. За этими словами стоит человек, занятый настоящим делом, все откладывающий на потом светские визиты. Вызванный письмом «в голубом конверте» к страдающей мигренью Вере Иосифовне, хозяйке дома, Старцев стал бывать у Туркиных «часто, очень часто...». Чехов ставит здесь многозначительное многоточие, а через несколько строк замечает: «Но ездил он к Туркиным уже не ради мигрени...». И опять — многоточие.

Молодой доктор влюбился. И он ведет себя, как подобает чистому и благородному юноше. Он объясняется в своей любви пылко, искренне: «Я не видел вас целую неделю, а если бы вы знали, какое это страдание!» Он способен восхищаться: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое трогательное своей простотой и наивной грацией».

Делает предложение руки и сердца и получает отказ. Екатерина Ивановна, предмет вздыханий молодого врача, Котик, как зовут ее в семье, уезжает учиться игре на фортепьянах.

Проходит четыре года, и за это, не столь большое время доктор Дмитрий Старцев превращается в Ионыча. Как и почему это произошло?

«Старцев бывал в разных домах... Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его... Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса... А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить». И Дмитрий Ионыч стал избегать разговоров и обществ. «От таких развлечений, как театр и концерты, он уклонялся, но зато в винт играл каждый вечер... Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно... по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой... И когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счет».

Всего за четыре года из пылкого молодого человека, врача, который ради работы в больнице мог пожертвовать визитом в семью, где есть молодая девушка, доктор Старцев превращается в «Ионыча».

Как и почему это произошло, Чехов показывает в вышеприведенных отрывках из рассказа. И как бы предостерегает, что произойти это может очень быстро. И показывает, что если это произошло, любовь, возвышенные мысли и чувства утрачивают цену: «Это вы про Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?» — вот все, что у доктора Старцева осталось от прежнего чувства. И сразу же, по-

сле этой реплики своего героя: «Вот и все, что можно сказать про него»,— заключает Чехов свое повествование о враче, превратившемся в «Ионыча».

АСТРОВ («ДЯДЯ ВАНЯ»)

Астров, Михаил Львович, пожалуй, самый разносторонне выписанный образ врача из всех героев Чехова, принадлежащих к славному медицинскому сословию. И, на мой взгляд, наиболее полно отражающий представление самого Антона Павловича о том, каким должен и может быть российский врач.

Доктор Астров — труженик: «От утра до ночи все на ногах, покою не знаю... За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного»,— говорит он няньке, объясняя ей, почему постарел за одиннадцать лет так заметно для себя и для других.

Немного циничен. Пусть и напускно: «... ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили». Но в то же время, даже в обществе из его головы не идет мысль о больных. Дважды, в первом и втором действиях пьесы, посреди беседы он вдруг говорит одну и ту же фразу: «В великом посту у меня больной умер под хлороформом». Говорит невпопад, значит, это переживание неотвязно следует за ним. (Кому из врачей не знакомо это чувство, когда в голове — дома, в театре, в общении со знакомыми — гвоздем сидит трудный больной, неправильный диагноз, не то, сделанное на операции?!)

И как всякому врачу, ему хочется хотя бы понимания своей трудной и не всегда удачной работы. «И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно я умышленно убил его (это Астров — о больном, который умер под хлороформом — Р.А.). Сел я, закрыл глаза ... и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас ... помянут ли нас добрым словом?» Труд врача не оставляет по себе материальных знаков. Даже с актером сравнить нельзя: тот в кино или телеспектакле останется на века. А результат врачебных усилий далеко не всегда зависит только от его мастерства и работы. Память о враче умирает вместе с последними пациентами, которым он нередко, как доктор Астров, отдавал свой каждодневный труд в течение многих и многих лет.

Астров живет так же трудно и в таком же почти окружении, как и доктор Старцев. «Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь? Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки, а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь»,— говорит Михаил Львович. Он почти повторяет слова «Ионыча»: «Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко

чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, кто поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветуют...».

Доктор Астров — крупная личность. «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю всеми силами моей души», — говорит в сердцах он. (Может быть, и наши молодые врачи — выпускники вузов — не желают ехать в провинцию оттого, что боятся такой же, мало изменившейся с тех пор обывательской русской жизни?) Именно в уста доктора Астрова Чехов вкладывает свое знаменитое: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Он, в отличие от Дмитрия Старцева, не дает этой обывательской жизни засосать себя, превратить в «Ионыча». Он увлекается лесом. (Не это ли увлечение доктора Астрова, истинно интеллигентного русского врача, подвигло Леонида Леонова создать свой знаменитый роман «Русский лес»?) «Я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... — говорит он увлеченно и продолжает, — ... когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я». (Заметьте, не моя заслуга, что «человек будет счастлив», а то, что «в этом буду немножко виноват и я» — очень по-чеховски). В отличие от других героев Чехова, которые только собираются, мечтают трудиться ради светлого будущего или только призывают других, как не симпатичный профессор Серебряков, — «дело делать», доктор Астров это дело делает собственными руками. И оборвав на полуслове свой монолог, уезжает на вызов к больному на фабрику.

И любовь у Астрова другая, не такая, как у Старцева. Правда, он старше Дмитрия Ионыча, да и неизмеримо крупнее его как личность. В спектаклях по чеховской пьесе часто Астров выведен таким провинциальным волокитой и жуиром. Мне он представляется другим. Его любовь деятельна. Он хочет обратить любимую женщину в «свою веру»: приносит «картограмму» уезда. Показывает, каким уезд был пятьдесят лет назад, как много в нем было леса. Хочет увлечь ее своим увлечением. Не его вина, что Елена Андреевна равнодушна к лесам. Его беда, что так же равнодушны к лесам и другие его собеседники. Он терпит фиаско и на «любовном фронте». «Finita», — говорит он в конце пьесы.

Но почему-то кажется, что доктор Астров все также будет и дальше каждодневно лечить своих больных и выращивать леса для

счастья людей, которые будут жить после него и не знать, что он жил трудно, много работал, и даже не помянут добрым словом его имени.

Таковы русские врачи — коллеги доктора Чехова, какими он их видел, какими он хотел их видеть. Мало что изменилось в существе врачебной профессии с чеховских времен. Мало что изменится и в будущем. Было время, когда отечественные писатели лепили образ врача только как положительного героя. Отсюда завышенно-возвышенные требования к представителям врачебной профессии. Но врач живет среди людей и будет таким, какие люди его окружают. Не лучше, и не хуже. Но есть и будут среди них те, кто будет всегда честно исполнять свой врачебный долг, думать о будущем и работать для него.